

© 1991 г.

ЖУРАВЛЕВ А. Ф.

К ПРОБЛЕМЕ РАССЕЛЕНИЯ ДРЕВНИХ СЛАВЯН

(О так называемом «графоаналитическом методе»)

Метод установления ареалов древних племен, предложенный В. М. Стецюком в статье «Определение мест поселения древних славян графоаналитическим методом» [1], претендует на высокую степень точности. Эта точность в построениях В. М. Стецюка, пожалуй, беспрецедентна для славистических этногенетических штудий, длящихся уже много десятилетий. Достаточно, к примеру, сказать, что центр поселения предков современных белорусов «в момент распада праславянского единства» на итоговой карте (с. 39) располагается в районе нынешнего Минска, центр поселения предков современных чехов — в районе Ровно, предков словаков — в районе Коростеня, предков словенцев — в районе Нежина и т. д.

Поскольку подобной определенности результатов палеоэтногеографические исследования до сих пор не знали, метод, разрабатываемый В. М. Стецюком, не может не привлечь к себе внимания.

«Графоаналитический метод», если излагать его суть сжато, может быть сведен к последовательности трех основных процедур (см. с. 37—40): лексикостатистический подсчет с целью определения математических, выражаемых числом, «расстояний» между языками (в данном случае — славянскими); построение графа, узлы которого соответствуют отдельным родственным языкам, а длины ребер — установленным ранее «расстояниям» между ними; совмещение полученного графа с плоскостью географической карты, на которой таким образом выявляются «места поселения древнеславянских племен в момент распада праславянского единства» (с. 36).

Некоторые сомнения вызывает допущение, которое оказывается за скобками, не оговариваясь в тексте статьи прямо. Преследуя цель получения новых знаний о древних этнических образованиях, автор метода источник таких знаний видит в исследовании их языков и фактически исходит из представления о скоррелированности понятий языка (диалекта) и этноса. При этом остается не вполне ясным, о каких именно племенных формированиях идет речь. Скажем, к анализу в качестве отдельных объектов привлекаются три восточнославянских языка, и, следовательно, применительно к «моменту распада праславянского единства», придерживаясь логики линейной интерпретации связей между языком и этносом, нужно говорить о трех соответствующих этнических величинах (племенах, племенных объединениях). Как эти три этнические единицы соотносятся с иными племенными членениями восточного славянства древнейшего доступного нам по источникам времени, например, с этнонимической системой несторовой «Повести временных лет», не объяснено. Состав известных по историческим данным древнеславянских племен не совпадает с составом и классификацией современных славян-

ских языков, и отношения между языком и этносом характеризуются существенно более сложными зависимостями, чем простое одно-однозначное соответствие. Поэтому в данном случае корректнее говорить не о собственно «племенах», а о неких племенных группировках, основные этнические компоненты которых были носителями тех диалектных черт праславянского языка (в том числе, а может быть, и прежде всего, лексических), которые легли в фундаменты позднейших славянских языков. Подобные племенные группировки не обязательно обладали собственным этническим самосознанием, не обязательно должны быть отмечены хронистами и, скорее всего, должны квалифицироваться как более или менее умозрительные конструкты, оправдываемые лишь интерпретацией лингвистических данных. Разумеется, ничего криминального в таком конструировании нет, однако применять к ним термин «племя», в который традицией вкладывается достаточно определенное содержание, вряд ли целесообразно.

В число языков, подвергаемых лексикостатистическому анализу, включено лишь девять современных славянских языков (русский, украинский, белорусский, польский, чешский, словацкий, сербохорватский, болгарский и словенский, по три от каждой современной группы внутри славянской семьи), при этом остаются без внимания македонский, верхне- и нижнедужицкий, а также кашубский (кашубско-словинский) и мертвый полабский. Если невключение в поле зрения македонского и кашубского языков может быть интерпретировано как понимание их автором в качестве диалектов соответственно болгарского и польского, то отсутствие в списке серболужицких и полабского языков объяснить подобным образом нельзя. Исключение из анализа тех или иных идиомов не мотивируется, причины тому могут быть разные¹, однако несомненно, что игнорирование по меньшей мере трех-четырех самостоятельных славянских языков не может не сказаться на итоговой картине. В дальнейшем, правда, автор делает по этому поводу некоторые весьма беглые оговорки, которых мы в соответствующем месте коснемся.

Измерение «расстояний» между языками основано у В. М. Стецюка, как было сказано, на лексикостатистике. При этом много неясного как в отборе лексики, так и в самих приемах ее статистического обследования.

Из каждого языка выбиралось по 1600—1750 слов (составивших в целом около 2 тыс. «лексических гнезд», см. с. 36). «В состав выборки включались слова, которые м о г л и (разрядка наша. — Ж. А.) входить в основной словарный фонд языка народа, находившегося на уровне родоплеменных общественных отношений, т. е. слова бытовой и обиходной лексики, соответствующие общему характеру эпохи и уровню развития производительных сил» (с. 36). Если ограничиться лишь хронологической характеристикой лексики, привлекаемой В. М. Стецюком к анализу, то можно заключить, что принимается во внимание именно праславянский слой словарного состава каждого языка. Однако неясно, почему автор предпочел опереться на понятие основного словарного фонда, а не на понятие праславянского лексического фонда (ср. [2]), являющееся, как представляется, более адекватным сущности и задачам подобных построений. Напомним, что основной словарный фонд трактуется как чрезвычайно устойчивый пласт лексики, определяющий и обуславливаю-

¹ Вероятнее всего, это вызвано отсутствием (не только под рукою автора, но и в природе) необходимых двуязычных словарей, так как именно по ним, а не по этимологическим справочникам, подбирались В. М. Стецюком лексические «аналоги».

иций «общенародный характер языка, взаимопонимание всех членов коллектива и — в соответствии с этим — единство языка в его историческом развитии» [3]. Понятно, что диалектные лексические элементы выводятся за пределы основного лексического фонда. Между тем для понимания реальных отношений между диалектами позднепраславянского языка и сформировавшихся на их основе самостоятельных славянских языков после распада праславянского единства (достаточно, как теперь можно понять, относительного, и при этом изначально) обращение к диалектным элементам праславянского словаря, обеспечивающим своеобразие каждого позднего идиома, играет принципиальную роль. Тем более когда речь идет, как у рассматриваемого нами автора, о выявлении и попытке численного представления несходства различных родственных языков. Именно несходства, поскольку слова (числом 1320), обнаруживающие общеславянский характер распространения (критерием общеславянского характера слова в рассматриваемом опыте применения «графоаналитического метода» признана засвидетельствованность его хотя бы в восьми из девяти исследуемых языков), из дальнейших подсчетов устранялись, а допущены к ним около 700 «лексических гнезд» (с. 36), охватывающих славянские языки «частями», накладывающимися друг на друга².

О составе обследуемой лексики автор дает читателю весьма смутное представление, приводя один-единственный пример (русск. *лес* — укр. *ліс* — чеш. *les* — польск. *las*...). Судить о качестве исходного для построений материала по его распылчатой авторской квалификации («могли входить», «соответствующи общему характеру эпохи и уровню развития производительных сил») невозможно, и доверие к отпавшим принципам исследования оказывается не слишком прочным. Хотя подсчеты велись на лексике, известной лишь тем или иным группам славянских языков, узкодиалектные праславянские слова вряд ли могли попасть в число заветных семи сотен. А это означает, что характер реальных лексических различий между славянскими языками установлен здесь весьма приблизительно, они сильно сглажены.

Автор указывает, что к анализу «не привлекались слова, появившиеся в более позднее время: названия усовершенствованных орудий труда, оружия, одежды, сложных отвлеченных понятий, христианская терминология» (с. 36). Не настаивая на возможных неточностях в отборе лексики (проверить надежность материала, увы, нельзя, приходится верить на слово), отметим, что процитированная формулировка не принимает во внимание особенность, названную в свое время архаизирующей сущностью традиционной терминологии: «Важной спецификой языкового плана, терминологии... является преимущественное отражение последнюю не современного ей состояния реалий, а предшествующего (одного из предшествующих состояний)... Укажем на такое свойство терминологии, как способность обходиться какое-то время традиционным, прежним ин-

² О качестве бездиалектной лексической выборки Стецюка могут говорить следующие данные. По нашим оценкам, в первых 15 выпусках «Этимологического словаря славянских языков» под ред. О. Н. Трубачева (М., 1974—1988) (7636 статей, или 2/5, а может быть, и лишь 1/3 объема всего праславянского лексического фонда) содержится около 1450 лексем, удовлетворяющих упомянутому критерию общеславянского характера слова (т. е. встречающихся не менее чем в восьми из перечисленных им языков). Это значит, что, повторяя его методику применительно к полному праславянскому словарю, восстанавливаемому с учетом диалектной лексики современных языков, мы должны исключить из анализа не 1320 общеславянских слов, а около 4 тысячи.

вентарем названий даже тогда, когда уже есть налицо дополнительные, новые реалии, еще не имеющие своих специальных названий» [4]. Не трудно заключить, что уровень усовершенствованности орудия не обязательно соответствует возрасту его обозначения, что слово, обозначающее «сложное отвлеченное понятие», может быть в достаточной мере архаичным, в том числе и праславянским.

Поиск необходимой для анализа лексики осуществлялся, как отмечается автором, по двуязычным переводным словарям, т. е., иными словами, в массивах современной литературной лексики, так как, насколько нам известно, региональная лексика славянских языков предметом «двуязычной» переводной лексикографии в сколько-нибудь заметных масштабах до сих пор не стала. Выбор такого пути вряд ли можно считать удовлетворительным. Во-первых, имеющиеся переводные двуязычные (межславянские) словари сильно различаются по своим объемам и качеству. Во-вторых, не все возможные парные комбинации славянских языков обеспечены переводными лексиконами, следовательно, в подобных случаях необходимо было прибегать к посредничеству словарей третьих языков или отказываться от исследования лексики какого-либо языка, если состояние его «двуязычной» лексикографии не отвечает потребностям сравнения каждого славянского языка с каждым из остальных. Наиболее существенное, однако, состоит в том, что за пределами переводных словарей остается огромный пласт диалектной лексики, учет которой чрезвычайно важен и для реконструкции состояния культуры в «момент распада праславянского единства», и для характеристики лексических связей между отдельными славянскими языками. К сопоставлению русской, например, лексики с инославянской не будут допущены, значит, такие исключительно важные диалектные слова праславянского происхождения, как *багно*, *близна*, *болонье*, *вить* (сущ.), *глоба*, *зарод*, *комонь*, *лядо*, *орать* «пахать», *сукало*, *толока* и мн. др.

Попутно стоит отметить своеобразную манеру В. М. Стецюка в изложении общеизвестных вещей. Межславянские лексические корреспонденции, или слова, возводимые к единой праформе, он называет «словами-аналогами»: «аналогами считались такие слова, которые имели (? — Ж. А.) сходное написание с учетом соответствий фонетики..., а также близкий или в отдельных случаях противоположный смысл» (с. 36). непонятно, почему укр. *lis* и польск. *las* имеют (имели?) сходное написание (как раз здесь ни малейшего сходства не видно), но главным образом непонятно, почему вообще упор делается на не имеющее никакого отношения к языку понятие графического представления слова.

Если обратиться к приемам анализа, то здесь довольно темным является, например, такое место: «...особое внимание обращалось на соизмеримость объемов лексики разных славянских языков. Если замечалось, что количество слов какого-либо языка (в таблице лексических соответствий. — Ж. А.) намного меньше количества слов из других языков, то в таблицу включались дополнительные слова из этого языка и к ним находились соответствующие аналоги из других языков» (с. 36). Подтягивая недостающий объем словника одного языка до некоей нормы, в таких случаях автор увеличивал и объем исследуемой лексики других языков. Каким образом при этом устраняется диспропорциональность сравниваемых словников, остается непроясненным, описание данной процедуры нуждается в большей внятности.

Далее В. М. Стецюк приводит цифровые данные, призванные охарактеризовать различия в степени лексической близости между отдельными

взятыми попарно славянскими языками применительно к началу их дифференциации в качестве таковых (самостоятельных языков). Наибольшее лексическое сходство демонстрируют украинский и белорусский (306 общих слов из 700, допущенных к анализу), сербохорватский и словенский (290 общих слов), чешский и словацкий языки (278 слов), наименьшее — болгарский в его корреспонденциях с польским (58 слов), чешским (69 слов), белорусским (82 слова), словацким (85 слов) языками (см. с. 36—37). Картина на первый взгляд как будто близка интуитивно ожидаемой, чтобы ее можно было считать достаточно надежной для дальнейших операций. Однако В. М. Стецюк игнорирует одно настораживающее обстоятельство: числа лексических связей русского языка с белорусским (205 слов) и украинским (226 слов) уступают в его оценках числам русско-сербохорватских (242 слова), украинско-польских (254 слова) и белорусско-польских (237 слов) соответствий (с. 36). Связи внутри одной бесспорно генетически единой подгруппы языков оказались менее мощными по сравнению со связями внешними — с корреспонденциями составляющих ее идиомов с языками, принадлежащими другим подгруппам.

Результаты, не согласующиеся с устоявшимися представлениями, в науке, допустимо утверждать, чрезвычайно желательны, ибо могут наталкивать на обнаружение неизвестных зависимостей или непознанных закономерностей. Но здесь, по всей видимости, случай иной. Отношения между языками восточнославянской подгруппы, их связи с польским языком изучены, в общем-то, сравнительно неплохо, и высокая доля лексики, общей для белорусского и украинского, с одной стороны, и польского, с другой, объясняется хорошо известными историческими и историко-лингвистическими причинами. Польское влияние на восточнославянские языки — неоспоримый и хорошо документированный факт. Стало быть, одной из причин, приведших к эффекту, нарушающему сложившиеся понятия, может быть включение в лексикостатистические наблюдения лингвогенетической направленности тех слов, общность которых для данных языков является следствием их позднейшего взаимовлияния.

Другой причиной отмеченного положения может быть то, что численные показатели лексических связей между различными языками использовались в «графоаналитическом методе» в абсолютном выражении, без соотношения их с общим количеством праславянских лексем, сохраняющихся в каждом языке и для каждого языка различным. По нашим оценкам, сделанным на материалах «Этимологического словаря славянских языков», объемы доступных реконструкции праславянских словников поздних славянских языков сильно различаются: примерно 1,5 тыс. в полабском, 9—10 тыс. в польском, 12—14 тыс. в русском и т. д. Понятно при этом, что чем выше вообще уровень сохранности («реконструируемости») в данных языках праславянской лексики, тем более высокими будут абсолютные показатели их лексических корреспонденций праславянского характера³. Русский и сербохорватский языки отличаются наибольшими по объему праславянскими словниками. Можно думать, что именно поэтому русско-сербохорватские лексические связи оказались у В. М. Стецюка более сильными, чем связи русского с другими восточнославянскими языками.

Нельзя, как ясно из сказанного ранее, исключать, в качестве третьей причины, и прямые ошибки в отборе лексики и определении ее ареальной

³ Подробнее об этом см. нашу статью [5].

принадлежности, однако на этом не стоит настаивать, не имея списка обследованных автором слов. Впрочем, в конце статьи, приводя некоторые данные о распространении отдельных слов, он дает повод для таких упреков. К ним мы еще вернемся.

Получив численные данные о лексических сходствах / различиях между славянскими языками, В. М. Стецюк «методом последовательных приближений» строит «графическую систему», упрощая ее затем (с помощью методики, напоминающей геодезическую триангуляцию) в «скелетную схему взаимоотношений языков» (с. 38). В этой схеме длины отрезков, соединяющих точки, символизирующие отдельные славянские языки, с некоторым огрублением обратно пропорциональны числу общих для каждой пары языков лексем, подвергнутых подсчету. «Построение системы,— замечает автор,— может быть проведено разными путями, и взаимное расположение областей всегда будет одним и тем же» (с. 37). Однако непредвзятый взгляд предполагает, что таких взаимных расположений может быть по меньшей мере два: то, которое получено в анализируемом опыте, и строго зеркальное по отношению к первому. Разместив на плоскости две точки, соответствующие двум произвольно взятым языкам, соединив их прямой и задав тем самым масштаб будущего графа (предполагается возможность его конформных преобразований в виде поворота в той же плоскости), перед исследователем возникает дилемма: располагать третью точку по одну сторону отложенного скаляра или по другую (расположение следующих точек от воли исследователя уже не зависит, поскольку жестко соотносится с топографией предыдущих символов). Этой альтернативной схеме В. М. Стецюк не предусмотрел и в дальнейшем оперирует только одним из двух возможных графов, что существенно снижает и без того невысокое доверие к излагаемой методике.

В рассуждениях и наблюдениях автора «графоаналитического метода» ощущается некоторая заданность. Она сказывается в малозаметном отстранении альтернатив, в некоем, может быть, бессознательном, стремлении к вариантам и решениям, более удобным автору впоследствии.

По мнению В. М. Стецюка, на его схемах (рис. 1 и 2, с. 38) «хорошо видно» разделение славянских языков на две группы: западную и восточную; первая включает в свой состав польский, чешский, словацкий, украинский и белорусский языки, вторая составляется болгарским, сербохорватским, словенским и русским языками. С нашей же точки зрения, такое разделение не имеет серьезных преимуществ перед другими возможными разбиениями, если исходить только из графического представления расстояний между отдельными языками. С равным, если не большим, правом можно в упомянутых схемах выделять три сгущения: современные южнославянские языки, восточнославянские языки с польским и группа, образуемая чешским и словацким языками; достаточно правомерным можно считать и разбиение схемы на три участка, не противоречащее (если пренебречь отсутствием в схеме лужицких и македонского языков) составу традиционных восточно-, западно- и южнославянской групп. Далее двучленное разбиение, к которому склоняется В. М. Стецюк, понадобится ему затем, чтобы разместить схему на Днепре таким образом, что эта река станет «естественной границей» между обнаруженными группировками «племен».

Выбор территории по Днепру и Припяти для поисков мест поселения древних славян у В. М. Стецюка, конечно же, не произволен. Но этот выбор оправдывается, в сущности, единственным аргументом: между теоретически полученными областями славянских языков естественными

«линейными границами вполне могла бы быть разветвленная речная сеть» (с. 39); поиск «чего-нибудь похожего в гидросистеме» (с. 40) осуществляется «на пространстве от Одера на западе до Дона на востоке и от Западной Двины на севере до Черного моря на юге, где большинство специалистов ищет прародину славян» (с. 39), а «анализ карты подсказывает решение — р. Днепр с притоком Припятью» (с. 40). Иные возможные в этой системе рассуждений географические зоны, например, Висла с Бугом или же реабилитируемая в последнее время территория Среднего Подунавья, в статье игнорируются (последнее вообще находится за пределами очерченного автором пространства, на котором допустимо, по его соображению, отыскание славянской прародины).

Дальнейшие операции В. М. Стецюка опираются на предположение о том, что расстояния между узлами графа, символизирующими отдельные современные славянские языки или их протоидиомы (диалекты праславянского языка), более или менее строго пропорциональны реальным расстояниям между центрами областей поселения древнеславянских племен. Схема проецируется на географическую карту (с. 39) так, чтобы центры областей оказались между более или менее крупными реками, в основном днепровскими и припятскими притоками, которые предлагается рассматривать в качестве естественных границ областей. Наиболее крупный гидрообъект региона — среднее течение Днепра, — как было сказано, должен стать границей между постулированными В. М. Стецюком «восточной» и «западной» группами ранних славянских языков. Так определяются искомые зоны.

На карте (с. 39) они обрисованы следующим образом.

Центр расселения носителей будущего болгарского языка располагается в районе современного Железногорска Курской области, а сам ареал ограничивается средним течением Десны, нижним Сеймом и Свапой. Центр зоны распространения будущего сербохорватского языка оказывается в районе Новозыбкова и Климова Брянской области, а сама зона имеет границами Десну, Ипуть и часть течения Днепра между их устьями. Центр словенской зоны помещается неподалеку от Нежина, а ее границы проложены В. М. Стецюком по Днепру, нижней Десне, Сейму и Суле. Ареал словацкого языка заключен между Тетеревом, нижним течением Припяти и Случью (притоком Горыни), центр — в районе Коростеня. Область расселения предков чехов ограничивается Случью, нижней Горынью и верхними течениями Припяти и Западного Буга, центр их поселения выявляется близ Ровно. Точка, соответствующая центру зоны расселения предков поляков, попадает в район Ивацевичей нынешней Брестской области, и ограничивается польская зона Случью, впадающей в Припять, самой Припятью, Ясельдой, верхним течением Нарева и Неманом. Предки белорусов, согласно этой теории, жили между верхней частью Березины Днепровской, нижним участком Свислочи, верхним Неманом, Березиной Неманской, Дисной и частью русла Западной Двины до Уллы (т. е. это единственный славянский народ, избежавший миграции с земель прародины), центр их расселения почти совпадает с местонахождением современного Минска. Территория предков украинцев помещена между Случью (притоком Припяти), нижним течением Припяти, Днепром, Березиной и Свислочью, центр находится примерно на границе нынешних Минской и Гомельской областей, правее Птичи. Наконец, точка, соответствующая русскому языку, падает приблизительно между Чаусами и Мстиславлем Могилевской области, зону расселения предков русских В. М. Стецюк очерчивает Днепром, Ипутью и верховьями Десны.

Точность результатов поиска оказывается, как видим, чрезвычайно высокой. Однако насколько им можно доверять? В математической статистике хорошо известно соотношение между «точностью» и «надежностью», описываемое в терминах обратной зависимости: повышение степени точности статистических наблюдений (определения средних и т. п.) подразумевает снижение надежности результатов, напротив, менее точные результаты являются в то же время более надежными. Здесь, на наш взгляд, мы имеем дело с аналогичной ситуацией: заданная условиями поиска высокая точность итоговых данных делает их тем самым крайне ненадежными.

Кроме уже упомянутых факторов (сомнительное качество исходного лексического материала, неудовлетворительность статистики, неучет нескольких «малых» славянских языков и др.), следует указать еще две причины, порождающие недоверие к методу и результатам В. М. Стецюка и имеющие в данном случае принципиальное значение.

Одна из них состоит в том, что размещая граф, изображающий систему взаимоотношений славянских языков, на плоскости географической карты и пытаясь установить границы расселения отдельных древнеславянских «племен», автор исходит из ложной посылки, согласно которой «естественными преградами, разделившими и праславянский этнос на части» (с. 39), «естественными границами, затруднявшими в связи населения ареалов с внешним миром и тем самым способствовавшими формированию самостоятельных этнических единиц» (с. 40; разрядка наша. — Ж. А.), были реки. Приручение племенных рубежей к руслам рек (тем более спокойных рек Полесья) является несомненной и очень серьезной ошибкой. Реки представляют собой не столько препятствия для расселения племен и для межплеменных контактов, сколько естественные пути миграции и каналы межэтнических коммуникаций. Об этом свидетельствует и характер современного (следовательно, легко доказуемого) расположения сгущений населения в редкозаселенных местах, например, в Арктике, — по рекам, преимущественно по обоим их берегам, и ареалы археологических культур, обнаруживающие в своей географии те же тенденции: они тяготеют к узловым участкам гидросистем, а не к междуречьям и водоразделам. Огромная Обь в нижнем течении не является препятствием для расселения хантов по обе ее стороны и рубежом между ними и родственными манси; нелепо было бы утверждать, что реки Саскачеван и Нельсон явились естественной причиной этнического размежевания алгонкинов и атапасков, в то время как для расселения последних столь же крупное водное образование — реки Невольничья и Маккензи — не было серьезной помехой. Естественной преградой для взаимоотношений племен в древности скорее являлись крупные лесные массивы, не говоря уже о высоких горных хребтах (роль горного рельефа в диалектной и этнической дифференциации общеизвестна и более чем очевидна). В условиях Припятского Полесья естественными дифференциаторами этносов могли бы скорее быть непроходимые леса и болота, что, между прочим, находит подтверждение в той же географии археологических культур. Тезис о руслах рек как границах древних племенных ареалов должен быть безусловно отвергнут.

Другая причина недоверия к «графоаналитическому методу» вытекает из только что указанной. Масштаб схемы взаимоотношений славянских языков соотнесен с масштабом географической карты так, чтобы граф необходимыми В. М. Стецюку образом вписался в контуры речной сети. Если же посылку о реках как естественных границах языковых и этни-

ческих ареалов признать несостоятельной, то выбор масштаба схемы оказывается немотивированным, и обнаруживается возможность манипулирования геометрией схемы по отношению к географической карте в любом направлении. Освобождаясь от непрременной подгонки к конфигурации речной сети, полученная схема может принимать произвольную метрику, равно как и размещаться в любом другом участке карты под любым углом поворота по отношению к реализованному варианту ориентации графа. Ничто не мешает увеличить масштаб схемы в полтора-два раза и тем самым уменьшить предполагаемую «общеславянскую территорию», уложив ее не между Наревом и Окой, как это сделано в анализируемой работе, а, скажем, между Наревом и устьем Припяти; при этом области отдельных ранних славянских языков и их центры, если сохранить самую схему Стецюка, получат, разумеется, совсем иную географическую привязку.

Итоговая карта В. М. Стецюка (с. 39) неудовлетворительна и в других моментах, безотносительно к возможности конформного варьирования лежащей в ее основе схемы. Из трех обычно констатируемых подгрупп славянских языков восточнославянская характеризуется наибольшей теснотой генетических связей. Но на данной карте она выступает разорванной таким образом, что территории русского и белорусского языков даже не соприкасаются друг с другом. Не имеют точек соприкосновения и постулируемые ареалы словацкого и словенского языков, хотя их изоглосные связи признаны весьма внушительными (С. Б. Бернштейн, например, находит, что в VI—VII вв. «...по числу признаков эта изоглосная область не имеет себе равных» [6], и это при том, кстати, что специфические лексические сходжения в виду не имеются). Нарисованная В. М. Стецюком «общеславянская территория» разрезается несколькими «пустыми» клиньями, которые, по его словам, возможно, были заняты не затронутыми анализом славянскими языками. Спрашивается, какими именно? Если допустимо на основании возможных (но не осуществленных) лексикостатистических измерений силы межъязыковых связей предположить, что клин, внедряющийся между польским и чешским ареалами, мог бы быть занят серболужицкими языками, то какие идиомы могли бы заполнить пустоты между русским и белорусским? словацким и словенским? Гадания на этот счет вполне беспредметны. А кроме того, в предложенной системе рассуждений само понятие «ареал» [ср.: «...имеется пять или шесть свободных ареалов, на которых, возможно, проживали предки тех современных славян, языки которых не рассматривались...» (с. 40); разрядка наша.— Ж. А.] может быть истолковано как в н е с у щ н о с т н а я, заранее выделенная, но ничему не соответствующая область, хотя синтаксическое устройство этого термина требует зависимых членов: ареал не сам по себе, а лишь — какого-то явления.

Завершая критический анализ различных аспектов подхода, разрабатываемого В. М. Стецюком, вернемся к вопросу о качестве лексического материала, положенного в основу его построений.

В намерении подтвердить наблюдениями над изолексами первоначальное деление праславянского языка на два диалекта («западный», продолжающийся современными западнославянскими языками, а также украинским и белорусским, и «восточный», развившийся в современные южнославянские и русский языки) автор в конце статьи (с. 44) дает список полусотни слов, которые, как он полагает, своей географией иллюстрируют такое положение. Из текста статьи не совсем ясно, все ли эти

слова включены в заветные семь сотен, подвергнутых статистическому анализу, поэтому мы не рассматривали их в том месте, где говорили о сомнительных достоинствах исходного лексического материала. Обойти же молчанием эти примеры нельзя, так как и географическая характеристика многих из них, и их оценка с точки зрения принадлежности к праславянскому лексическому фонду (на чем лишь и можно строить лингвогенетические спекуляции) чрезвычайно уязвимы.

Мы уже говорили, что отбор лексики осуществлялся с опорой на данные двуязычных переводных словарей (литературных языков), с исключением из числа источников и корректирующих справочников диалектных и этимологических словарей. Этим в первую очередь и объясняется наличие многочисленных ошибок в хронологической и географической стратификации приводимых в статье лексических примеров.

Вопреки мнению В. М. Стецюка, не являются исключительной принадлежностью «западных» языков (включая украинский и белорусский) неассимилированная форма **ropelъ* (ср. русск. диал. *ропел*, словен. *ropel*), форма **stьklo* с нулевым отражением редуцированного (русс. диал. *скло*, болг. диал. *цкло*, сербохорв. *склѣ*, *цклѣ*), слова **vada* (русс. диал. *вада* «повадка» и др.), **dъbati* (русс. диал. *дбать* «копить, собирать», «стряпать»), **žьniva* (русс. диал. *жнѣва* «сжатое поле», «стерня»), **каѣька* (русс. диал. *качка* «утка»), **kvariti* (русс. диал. *кваритъся* «вождедель, завидовать», «стремиться, спешить»), **kozati* (русс. диал. *козатъ* «любить», «воспитывать, пестовать»), **jьkьiga* (русс. диал. *кряга*, *кряга* «льдина»), **lytъka* [русс. диал. *лытка* «нога, бедро», «ступня», «кость (ноги)» и др., словен. *litka* «икра ноги»], **macati* (русс. диал. *мацать* «трогать, щупать», болг. *мацам*, сербохорв. *мацати*, словен. *macati*) и др. Украинские слова *жебрак*, *зневѣга*, *марјудити*, *оздбѣтити*, *рада*, *скѣба*, *стодбля* являются заимствованиями из польского, часть из них в свою очередь — германизмы [некоторые проникли также и в русские говоры: *скѣб(к)а*, *марјудитъ*, *стодбля*...]. Точно так же многие из слов, определенных автором как исключительно «восточнославянские» (т. е. в нашей терминологии — принадлежащие современным южнославянским языкам и русскому), отмечаются и в западнославянских языках; таковы русские слова *вѣрот*, *желѣтъ*, *корпѣтъ*, *лук*, *лукѣвый*, *луч*, *мблнѣя*, *обр*, *питѣтъ*, *ѳжин* (ср. польск. *wrot*, в.-луж. *wrót*; др.-чеш. *želeti*, словац. *želet'*; чеш. *kprat*, *karpat'*, словац. *křpat'*, польск. *karpać*; чеш. диал. *lukavj*, ст.-польск. *łękawa*; чеш. *louč*, словац. *lúč*; полаб. *māuha*; чеш. *pitati*; польск. *jużyna*, полаб. *jäuzéjna* и т. д.).

Осознанно или неосознанно, своими примерами В. М. Стецюк фактически пытается обосновать мысль о разобщенности восточнославянской (в традиционном смысле) языковой подгруппы, о большей близости украинского и белорусского западнославянским языкам и более тесной связи русского с южнославянскими. Он утверждает о «нескольких десятках» (с. 44) слов, являющихся эксклюзивной принадлежностью западного диалекта праславянского языка и «несколько меньшей, но тоже впечатляющей» общности идиомов, продолжающих конституированный им восточный диалект. Если же обратиться к материалам «Этимологического словаря славянских языков» или аналогичных изданий, можно убедиться, что даже при таком теоретическом раскладе, который предлагает В. М. Стецюк, речь должна идти о с о т н я х лексем, причем южнославянские связи русского численно преобладают над лексическими корреспонденциями украинского и белорусского с западнославянскими языками, если исключить, разумеется, результаты позднего польского влия-

ния. Однако все эти данные не свидетельствуют в пользу изначальной разобщенности восточнославянских (в традиционном понимании) языков, ибо их лексические связи праславянского характера, в том числе и прежде всего эксклюзивные, куда мощнее. Большинство же примеров проверки на достоверность их ареальной и хронологической квалификации не выдерживает.

Хотя ошибки в отборе исходного материала, надо думать, и сказываются плачевным образом на конечных результатах поиска, но все же не являются принципиально важными при оценке метода. Это скорее недостатки исполнения, чем пороки методологии. К непреодолимым, внутренним дефектам «графоаналитического метода» нужно отнести в первую очередь отсутствие критериев для выбора масштабов и ориентации схемы взаимоотношений языков при размещении ее на географической карте (приноравливание ее к контурам речной системы, как мы пытались показать, удачным выходом не является). И другое. В. М. Стецюк склонен абсолютизировать полученные им цифры и конфигурацию построенной на их основе схемы. Допущение о строгом соответствии этой схеме, пропорциональности, выводимости из нее картины расселения носителей древних языков является чересчур простым и оптимистичным. Определенные расстояния между «центрами» расселения различных племен в реальном ландшафте только при учете поступательного ослабления лексических связей между их языками вряд ли сколько-нибудь надежно, так как не принимаются во внимание иные, значительно возмущающие картину факторы, вплоть до мощных исторических катаклизмов. Все это делает метод, названный его автором «графоаналитическим», малопригодным в качестве инструмента палеоэтногеографических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Стецюк В. М.* Определение мест поселения древних славян графоаналитическим методом // ИАН СЛЯ. 1987. № 1.
2. [*Трубачев О. Н.*] Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Проспект. Пробные статьи. М., 1963.
3. *Виноградов В. В.* Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка // Виноградов В. В. Избр. труды: Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 47.
4. *Трубачев О. Н.* Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966. С. 9.
5. *Журавлев А. Ф.* Лексикостатистическая оценка генетической близости славянских языков // ВЯ. 1988. № 4. С. 40—41, 49.
6. *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961. С. 78—79.